
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Калле КАСПЕР

МИР РЕМАРКА

Лет двадцать назад, в нашу первую и единственную поездку в Германию, мы спросили у наших, тоже связанных с литературой, знакомых, кого из своих писателей прошлого читают немцы. Нам ответили, что Томаса Манна.

— А Ремарка? — спросил я.

Нет, оказалось, что Ремарка уже никто не читает.

Мы были поражены: скорее можно было бы ожидать, что перестанут читать Манна — он же скучноват, один из тех писателей, для которого главное — мудрствовать. Ремарк, в отличие от него, писатель живой, эмоциональный, младший брат Александра Дюма-старшего, только намного мрачнее, что можно понять — эпоха другая досталась.

Однако позже я пораскинул мозгами и пришел к выводу, что все логично: Ремарк — это же открытая рана, и не только для немцев, но для них в первую очередь. Кто еще

Калле Каспер — поэт, прозаик и драматург. Родился в 1952 году в Таллине. Окончил отделение русской филологии Тартуского университета и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве (теоретический курс). Автор нескольких романов, в том числе эпопеи «Буриданы» в восьми томах (премия Таммсааре), пяти сборников стихов на эстонском и двух на русском. Двукратный лауреат премии журнала «Звезда». Стихи Каспера печатались в журналах «Звезда», «Новый мир», «Нева» и «Литературная Армения», а эссе — в журналах «Звезда», «Нева», «Палimpseст», «Традиция и авангард», «Восток—Запад» и др. Каспер — лауреат премии имени Ивара Иваска, многолетнего редактора журнала «World Literature Today», за сборник литературных эссе (2021). Автор 26 книг.

так ярко, художественно, беспощадно показал зверства гитлеровцев? А немцам надоело вспоминать нацизм, у них стоит поперек горла то, что их, родившихся после войны, порицают за преступления, которые они сами не совершали, заставляют снова и снова каяться. Разумеется, возникает внутренний протест: не хочу об этом больше ничего слышать, баста!

Так что, может быть, Ремарк ближе к тем, кто с событиями, которые он описывает, имеет опосредованную связь и может воспринимать его произведения просто как литературу.

Если исключить юношеские опыты, Ремарк написал одиннадцать романов. Все они хорошо известны русскому читателю, но я все-таки перечислю: «На Западном фронте без перемен» (1929), «Возвращение» (1931), «Три товарища» (1938), «Возлюби ближнего своего» (1941), «Триумфальная арка» (1946), «Искра жизни» (1952), «Время жить и время умирать» (1954), «Черный обелиск» (1956), «Жизнь взаимы» (1961; дополненный вариант: «Для неба нет избранных»), «Ночь в Лиссабоне» (1962) и «Тени в раю» (посмертно, 1971).

Таков список, если его составить по времени издания, но можно расположить романы и в другом порядке, по времени *действия*. Начало получается, правда, то же самое: «На Западном фронте...» и «Возвращение», а вот дальше начинаются отличия, поскольку при таком подходе третьим идет «Черный обелиск», действие которого происходит в 1923 году, во время гиперинфляции. Сдвигаются вперед по списку и «Ночь в Лиссабоне» и «Тени в раю», а на последнем месте оказывается «Жизнь взаимы».

К чему такая перестановка?

А к тому, что романы Ремарка по временной оси составляют единое целое. Можно даже сказать, что в каком-то смысле мы имеем дело с эпопеей. Правда, это странная эпопея, с разными героями, но внутренняя связь романов благодаря логической последовательности событий явственно ощущается. И это единственное в своем роде «многотомное» произведение о первой половине XX века — никто другой из европейских писателей, насколько мне известно, не создал такой всеобъемлющей *хроники эпохи*.

Начинается эта условная эпопея в окопах Первой мировой войны («На Западном фронте...»), продолжается в послевоенной, обнищавшей Германии, на которую победители наложили огромные репарации («Возвращение», «Черный обелиск», «Три товарища»), а затем переходит к 30-м годам, эпохе нацизма, и к последующей войне.

Четыре романа Ремарка: «Возлюби ближнего своего», «Триумфальная арка», «Ночь в Лиссабоне» и «Тени в раю» посвящены теме изгнанников — тех немцев и евреев, которые после прихода к власти Гитлера бежали из родной страны. Действие в этих романах происходит в семи разных странах: в Австрии, Чехословакии, Швейцарии, Франции, Испании, Португалии и США.

О том, что в то же самое время происходит в Германии, Ремарк рассказывает в двух романах: «Время жить и время умирать» и «Искра жизни». Иногда временно на родину возвращаются и изгнанники: или чтобы кого-то спасти, или чтобы погибнуть.

И, наконец, «Жизнь взаимы» рассказывает о Европе 50-х годов.

Ядро творчества Ремарка — вышеупомянутые четыре романа о беженцах. О войне писали многие, о зарождении фашизма и нацизма также, а кто еще, кроме Ремарка, писал о людях, снующих из страны в страну в надежде найти пристанище, и нигде его не находя? В XIX веке такая проблема отсутствовала, да, бывали эмигранты, но или одиночки, или небольшие группы, как итальянцы во Франции в эпоху Рисорджименто, или российские политэмигранты в Англии и Франции. Народные массы остава-

лись на месте, а если и двигались в каком-то направлении — как многие в Америку — то по собственной инициативе. Высланных — таких, как Манон Леско, — опять-таки, были единицы. А австралийских каторжников трудно считать беженцами.

Правда, существовало такое явление, как изгнание евреев из Испании, и не только, но это осталось в далеком прошлом, и темой для выдающихся произведений литературы не стало. И вообще роман — относительно новый жанр: Данте тоже был изгнанником, но писал он в стихах.

Однако дело не только в теме. Ремарк уловил нечто новое в состоянии героев, нечто такое, чего литература XIX века даже не могла заметить, поскольку такого ощущения не существовало. Век XIX — это век непоколебимой буржуазной уверенности в том, что мир создан для того, чтобы в нем *устроиться*, и когда эта цель достигнута, то все в порядке — можно спокойно жить, ну и чуть-чуть бояться смерти. По христианству хоть и была нанесена серия ударов (в сущности, шпильки в его адрес пускали еще в конце XVIII века), но пока оно отстояло свои позиции. Штурм, устроенный Французской революцией, отбил Наполеон, сказав крылатые слова: «Бога, конечно, нет, но церковь нужна».

В XX веке вера в устои буржуазной и христианской жизни была полностью разрушена. Первую мировую войну и ту нельзя рассматривать как войну обычную, не только потому, что в ней активно участвовали сами народы (которые раньше являлись лишь игрушкой в руках государей), но и из-за научно-технического «прогресса», создавшего оружие, значительно смертоноснее того, которым пользовались в прошлых войнах.

Последующие годы явили Европе новые формы власти. Россией овладели большевики, каста профессиональных революционеров, поддержанная темной массой русских смердов. В ответ на большевизм, призывавший не только снести основы буржуазного общества, но и физически уничтожить «буржуев» (а заодно аристократов), возник фашизм, а затем и нацизм. Во главе нескольких ключевых европейских стран оказались люди из «низов»: сын сапожника, сын таможенника, сын кузнеца. Они переняли грубые манеры, увиденные в детстве, и внедрили их в методы управления. Прimitивные, фанатичные представления об обществе, которыми они косно руководствовались, переросли в невиданное насилие. Европу охватила взаимная ненависть новых идеологий, притом ненависть, уже привыкшая использовать новомодные выдумки военной техники. Если в античности и в средневековые города, бывало, уничтожали после их завоевания, то во Второй мировой войне это делали заранее, с «удобной» дистанции.

Российское общественное сознание под влиянием советской идеологии и пропаганды, существующих и поныне, несмотря на то, что СССР давно исчез с карты мира, до сих пор не хочет замечать, что фундамент кровавых событий XX века, в том числе Второй мировой войны, был заложен в России. Зверское убийство российской элиты и национализация ее имущества плюс повальное восхваление такой политики со стороны европейских «левых», а также их попытки установить у себя на родине идентичную власть вызвали шок в западном обществе, вот почему идеи фашизма нашли быстрый отклик сперва в итальянском, а затем и в немецком обществе. Не зря феномен Гитлера возник в Мюнхене, в городе, которым в течение небольшого отрезка времени правили большевики.

Рассказы о зверствах большевиков в России, в том числе о совершенных ими де-тоубийствах, воспринимались бы в Европе с ужасом в любом случае, но еще более впечатляющими их делало появление в западных странах российских эмигрантов. Прежде богатые, а иногда и родовитые люди нередко были вынуждены подвизаться на самом унижительном поприще: мужчины — швейцарами, женщины — на панели. Их

судьба открыла французам, немцам и другим европейским народам глаза на российскую трагедию. Недаром почти в каждом романе об изгнанниках у Ремарка выведен русский эмигрант, которому его новые «коллеги» завидуют, так как, по их мнению, к той «первой волне» эмиграции европейцы относились более милостиво.

Хаос, возникший в Европе после прихода к власти где большевиков, а где нацистов, небывалая жестокость и тех и других, привели к новому восприятию мира. В условиях, когда жизнь превратилась в роскошь, когда люди гибли, словно бабочки-однодневки, а тот, кто выживал, оказывался лишенным дома, родины, семьи — всего того, что создает иллюзию постоянства, возникло ощущение *зыбкости* жизни — и Ремарк это уловил.

Герои Ремарка живут лишь сегодняшним днем. Нигде их не ждут, они для всех чужие и никому не нужны, везде только и думают, как бы от них избавиться. Об их судьбе Ремарк говорит: «Человек был ничто — действующий паспорт был все» («Ночь в Лиссабоне»)¹. Они не верят ни в Бога, ни в правительство, ни в людей. Неожиданно выпавшее на их долю милосердие они воспринимают как чудо, а предательство, черствость, бесчеловечность — как норму.

Не зря именно в эти годы рождается экзистенциализм — философский ответ на новые условия. Человек не должен ни за что цепляться, потому что все, что он приобретет сегодня, он потеряет завтра. Любовь и та меняет свою суть: она перестает быть вечной и становится сиюминутной. Притом это не вожделение, не порок, а именно любовь — короткое, но глубокое чувство.

Наиболее интересно *зыбкость* жизни проявляется в лучшем, на мой взгляд, романе Ремарка «Тени в раю». Если в «Триумфальной арке», «Возлюби ближнего своего» и «Ночи в Лиссабоне» неуверенность обуславливается объективными причинами: герои все время в опасности, они попадают в тюрьму, заболевают и умирают, то в этом романе, действие которого происходит в США, им уже ничего не угрожает, они спасены и могли бы *устроиться* в новом месте, на новой родине, однако они на это уже не способны. (К исключениям из этого правила Ремарк относится с иронией.) Возникшее в скитаниях ощущение *невесомости* не пропадает, герои забирают его с собой в Америку. Пространство и время перестают для них существовать, и они становятся именно теми, кем Ремарк их назвал — тенями. Это хорошо видно по диалогам Роберта Росса и его возлюбленной Наташи — в них нет ничего устойчивого, оба прыгают с темы на тему, говорят, чтобы говорить, сами не веря своим словам. Возникает трагическое ощущение жизни, она как мерцание, как отблеск чего-то с недоступной сутью. Сиюминутность торжествует над постоянством, а любовь — это только краткое состояние души, но не дом, семья, дети.

У меня с Ремарком некая личная связь — в начале 90-х мне пришлось на собственном опыте познать, что значит его максима: «Человек был ничто — действующий паспорт был все». Конечно, мои переживания были скорее трагикомические, чем драматические, не говоря уже о трагизме — нашим с Гоар жизням ни разу ничего не угрожало, по отношению к нам не было применено физическое насилие, мы и изгнанниками не были (да и паспорта у нас имелись, притом даже в большем количестве, чем требовалось), и тем не менее приятного в ситуации, когда новоявленные государства плевать хотели на проблемы отдельного человека, было мало. Переехав в Эстонию, Гоар собиралась сохранить армянское гражданство и взять здесь только вид на жительство, но из-за отсутствия законов на тот момент это оказалось невозможным — а вот гражданство эстонское ей как жене эстонского гражданина досталось сравнительно легко, хоть она к этому и не стремилась. Однако сколько было тех, кому

¹ Перевод Н. Федоровой, возможно, точнее: «Человек был ничем, действующий паспорт — всем».

в гражданстве было отказано! В Эстонии — несколько сот тысяч. Кстати, среди них оказался и, как минимум, один эстонский писатель, родившийся в Сибири.

Что такое граница между государствами, я тоже узнал в трагикомическом или даже в комическом смысле: используя паспорт Гоар, я перевез через реку Нарву ее сестру, приехавшую к нам в гости в самый неподходящий момент — буквально в первые часы установленного Эстонией визового режима с Россией. Естественно, через границу свояченицу не пропустили, вернули ее в Ивангород. Я поехал за ней, взяв с собой паспорт Гоар. Никакого особого сходства между сестрами не наблюдалось, но на границе — с эстонской стороны — царил такая суматоха, что новоиспеченный пограничник, проверяющий в автобусе паспорта, даже не взглянул на фотографию.

Российские пограничники на тот момент ничего не проверяли, но потом у них навели порядок, и даже построже, чем в Эстонии, так что когда мы с Гоар однажды возвращались из Армении через Россию с просроченными визами, мне пришлось долго унижаться, чтобы нас не выставили из поезда (денег, чтобы отделаться мздой, у нас не было).

Таких историй в то время хватало, и намного более жестких и жестоких, чем наши. Людям отказывали в виде на жительство, их выдворяли из страны, вынуждены были уехать даже смертельно больные. Всем, кто не мог претендовать на эстонское гражданство, приходилось ждать часами в очереди за получением вида на жительство, доставать справки о том, что ты не состоишь на учете в психиатрическом диспансере, не болел СПИДом и т. д. и т. п. И поскольку все это касалось не то что нескольких тысяч, а десятков, возможно, сотен тысяч, то все они получили своеобразный повод для чтения Ремарка.

Отдельно надо сказать о романе «Время жить и время умирать». Если книги об изгнанниках Ремарк создал на основе собственного опыта, то этот роман — результат своеобразной комбинаторики. Ремарк взял свои воспоминания о Первой мировой, добавил к ним то, что он узнал по рассказам очевидцев о Второй, далее — свои впечатления о разрушенной Германии, и перемешал весь этот материал с воображением. Авторам исторических романов ничего другого и не остается, но «Время жить и время умирать» — вполне реалистический, психологический роман, и, признаться, несмотря на все мастерство Ремарка, меня по ходу чтения не покидало чувство, что он слегка привирает, что произведению не хватает подлинности. Казалось, все написано для очередного разоблачения нацизма — вот видите, до чего эти люди нас довели!

Однако по мере продвижения сюжета я изменил отношение. Ремарк даже в этом «придуманном» романе сумел сохранить беспристрастность — необходимое условие настоящей литературы. Наивный нацист Биндинг, добродушный человек, который из искренних, товарищеских чувств, ничего взамен не требуя, помогает своему однокласснику, герою романа Греберу, неожиданно погибает — и это не воспринимается как «возмездие свыше», а как нелепая случайность. Биндинга не жалко, но от его смерти не остается и чувства злорадства — так ему и надо! — вместо этого на первый план выходит ощущение бессмысленности творящегося.

Вторая, очень важная неожиданность ждет читателя в конце романа. Герой, человек вполне вменяемый, хоть и молодой, один из тех, кого послали на войну и он воюет — не по своей воле, вдруг совершает великодушный поступок: отпускает захваченных в плен русских партизан, до того убив товарища, требовавшего их расстрела. И как всякое «доброе дело», так и это не остается безнаказанным: один из партизан, которому герой спас жизнь... убивает его.

В этой концовке видна философия Ремарка. Подлость — не прерогатива нацистов, она есть во всех: и в немцах, и в русских (и в эстонцах).

Бессмысленностью пропитан и последний по времени действия роман Ремарка — «Жизнь взаимы». В послевоенной Европе люди не способны придумать ничего более умного, чем организация автогонок. Весь свой сарказм по этому поводу Ремарк раскрывает в маршруте этих гонок — они ведутся по замкнутому кругу, из Брешии в Брешию.

Вот в таком нелепом круге живем мы все — в круге, predetermined непонятно кем.